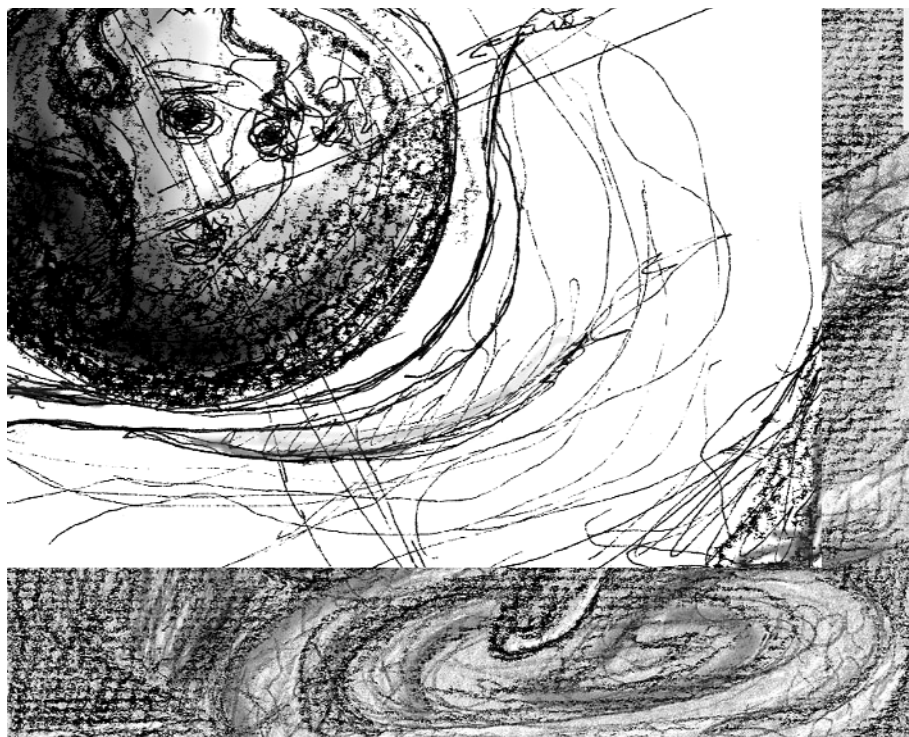

Андрей Буторин

Желтый аспид

Кто сказал, что путешествия во времени безопасны? Никто не говорил.

Даже если перемещаться только вдоль оси времени, и то неизвестно, что окажется в этой точке пространства тридцать веков назад. А триста? А три тысячи? Кажется бы, это достаточно просто рассчитать. Не тут-то было! Надо учитывать столько факторов, что все равно чего-нибудь упустишь. Да и надо ли? Ведь потом придется лететь к Земле, которая может оказаться к тому времени за сотни парсеков. Точнее — была там, если речь идет о путешествии в прошлое.

Поэтому и приходится двигаться сразу по временной и пространственной осям, оставаясь, по сути, в одной и той же точке относительно земной системы координат. Но это в идеале. На самом деле перемещения в пространстве все равно неизбежны, особенно если речь идет о десятках и сотнях веков. Ведь энергия для такой «привязки» берется от магнитного поля Земли, а оно крайне неустойчиво и непосто-

янно. Меняются полюса, «скачет» напряженность поля. За века с ним происходит многое. В этом и заключается главная опасность. «Потеряв» направление силовых линий, процесс хронтования становится неуправляемым, и хорошо если капсула просто «вывалится» не в том месте и времени, но бывает куда хуже. Вот, как сейчас.

Лан понял, что авария неминуема, сразу, еще до сигнала тревоги, как только генератор начал «фонить». Распыленные в атмосфере хронтоны создали эффект белых ночей в достаточно низких для этого широтах в середине первой декады июля. Одна тысяча девятьсот восьмого года. Так показывал хроносчетчик. Внешний. Четвертое, третье, второе июля... Ночи все светлее и светлее. Первого числа Лан дожидаться не стал и катапультировался. Успел вовремя, хотя это было не так-то просто. Внутренний хроносчетчик отсчитывал не сутки, а миллисекунды, хотя для хроногенератора сейчас они были равны.

Первого июля Лан находился еще слишком близко от капсулы и, в ожидании взрыва, успел лишь проститься с жизнью. Очень коротко, почти односложно. Но генератор взорвался тридцатого июня, и Лан уцелел.

Уцелеть от взрыва — это еще не все. Теперь, без капсулы, а значит и без ее хроногенератора, нужно было «затормозить» во времени, потому что инерция продолжала нести Лана в прошлое. И такой полет вне капсулы мог закончиться очень плачевно — тем же распылением на хронтоны, только теперь уже самого Лана.

У хрононавтов имелся аварийный генератор торможения. Был он и у Лана. Но одно дело тормозить уже на подлете к цели, когда скорость достаточно мала, и совсем другое — почти в середине пути. До намеченной цели Лану оставалось больше двухсот веков, поэтому скорость была что ни на есть крейсерской. И энергии аккумуляторов для полного торможения, конечно же, не хватило. Пришлось расходовать свою собственную энергию. И вот ее, к счастью, оказалось для торможения достаточно. Но, увы, не с избытком. Только-только. Жалкого остатка хватило лишь на поддержание мыслительных процессов в самом примитивном теле — даже без конечностей. Лан представлял сейчас из себя десятимиллиметровый в диаметре жгутик длиной шестьсот пятьдесят миллиметров. Разумеется, пластиковый, поскольку Лан был пластофором.

Лан довольно быстро пришел в себя, оценил ситуацию и понял, что дела его никуда не годятся. Пожалуй, лучше бы ему было не катапультироваться. В нынешнем состоянии он мог протянуть от силы неделю. И то если не шевелиться. О том же, чтобы передать аварийную хронограмму, не могло быть и речи.

Впрочем, все пока казалось поправимым. Двигаться Лан мог, стало быть оставалось одно — найти источник пополнения энергии и

строительного материала для более приемлемого тела. И тем, и другим для Лана, как и для прочих пластофоров, был, разумеется, пластик.

Плохо, что Лан почти не помнил реалий века, куда его сейчас выбросило. Он даже не знал, в какой именно год попал. Прикинув «на глазок», Лан пришел к выводу, что сейчас примерно середина девятнадцатого века. Плюс-минус десять лет. Конечно, как любой хрононавт, Лан углубленно изучал историю, но нельзя объять необъятное! Тем более, специализировался он по куда более ранним векам. И все же, напрягши память, Лан вспомнил, что примерно в это время пластмасса уже вошла в обиход. Правда, сказать, сколько именно десятилетий, а уж, тем более, лет составляет это «примерно», он, к сожалению, не мог. Но отчаиваться все же не стал.

Для начала Лан огляделся. Березовая рощица, ручеек, травка, желтая пыльная дорога наискосок через луг. Дорога ведет к маленьким темным домикам. Впрочем, есть и большие постройки. Целых две. Одна приземистая, другая высокая. Обе — белого цвета. Причем вторая — с крестообразной конструкцией на крыше, что вселило в сознание Лана оптимизм. Если это антенна, то с хронологией он не ошибся, и здесь уже должны быть знакомы с пластмассой.

Лан подумал, что ему лучше предпринять: двигаться к селению, или дожидаться, пока кто-нибудь прибудет сюда? Раз есть дорога — значит по ней ездят. Или, как минимум, ходят. Но как часто? Пока еще, за те четырнадцать минут, что Лан находился тут, ничто не потревожило дорожную пыль. Но ползти самому — а до ближайшего здания было километра два с половиной, — это тратить столь дефицитную в его положении энергию.

И Лан решил подождать. Сорок шесть минут. Но для начала он переполз на обочину дороги, а чтобы не выделяться на ее желтоватом фоне, пожелтел и сам. Теперь его можно было увидеть, лишь подойдя вплотную.

Заняв новую позицию, Лан снова огляделся. К сожалению, для экономии все той же энергии, пришлось отказаться от универсального зрения, так что изменить фокусное расстояние хрусталиков он не мог. Но и обычного оказалось достаточно, чтобы заметить светлое пятнышко, отделившееся от приземистого белого здания идвигающееся вдоль дороги. Когда пятнышко стало больше, Лан понял, что это клубы пыли, развевающиеся за повозкой, которую тянула пара крупных животных, судя по всему, лошадей. Вскоре стало возможным разглядеть и людей, сидящих в повозке. Их было двое, мужчина и женщина. Лан собрался. Сейчас все зависело от того, хватит ли ему энергии на то, чтобы прыгнуть, ворваться в ротовую полость человека, пробить небную перегородку и проникнуть в мозг. Должно было хватить. Нужно, чтобы хватило! Придется отказаться от подключения ко всей памяти этого человека и ограничиться лишь знанием языка и контролем над двигательными функциями тела. Конечно,

причинять вред человеку — это преступление, но иного выхода не было. К тому же, уверял внутреннего самообвинителя Лан, вред будет минимальным и временным. Всего лишь до тех пор, пока он не пополнит запасы энергии. Тогда он компенсирует все повреждения, нанесенные человеку, сполна — еще и подлечит его, произведет полную очистку организма, заменит изношенные органы на практически вечные пластиковые аналоги.

Мирон смотрел вслед удаляющейся бричке и плакал. Слез он давно не стеснялся, да и кому интересны слезы крепостного? От него требуется одно — работать. Пахать, сеять, жать — тянуть крестьянскую лямку. А плачешь ты при этом или смеешься — без разницы. Даже лучше, когда плачешь; смех крепостных барину не по нраву. Раз смеешься — стало быть не в полную силу работаешь.

Но теперь уж смеяться и подавно не с чего. Единственную радость барин увез — дочку, Марфушку. Проигрался старый пьяница в карты, все деньги спустил. Поставил на кон Марфушку — и ту проиграл! Одна надежда, что у нового барина Марфушке лучше будет. Тот хоть молодой, сорок всего, да и не пьет сильно вроде. А там — кто его знает? Баре — они и есть баре. Что молодой, что старый. Для них крепостные — не люди.

Конечно, в глубине души Мирон понимал, что жалуется на барина зря. Ну, грешен, — выпить любит, игрок заядлый. Так кто сейчас без греха? Зато крестьян все же Никодим Пантелеймоныч жалеет. Пороть — порет, но до смерти никого еще не забил. А как без порки-то? Тоже нельзя. Крестьянину — ему только волю дай!..

— Э-хе-хей, воля-волюшка, — всхлипнул Мирон еще раз, высморкался в дорожную пыль, да и повернулся, чтобы идти с барского двора восвояси. Вот ведь тоже — позволил Никодим Пантелеймоныч с дочкой проститься, до самой брички дал проводить! Другой бы дал? Разве что в глаз.

Мирон уже шагнул за ворота и не удержался, оглянулся еще вслед облачку пыли. Свел жесткие брови, прищурился. Померещилось, или впрямь пыль назад к селу стелется? Назад, не иначе. Лошадей уже видно. И бричку крытую. А вот и платок Марфин белеется! Стукнуло сердце Мирона, дернулось. А ну как раздумал барин ее отдавать?.. Да только навряд ли. Знать, забыл что-то.

Бричка, не доехав до ворот, остановилась. Мирон заметил, что правит лошадьми Марфа. И увидел еще, что лицо дочери белое, как снег, глаза — что два пятака, и руки трясутся. Барин неловко спустился на землю и, качаясь, пошел к Мирону.

«Вот ведь, — подумал крестьянин, — только что вроде тверезым был, когда и успел нализаться? И Марфушку испужал, ирод! Там уж и пужать-то, поди, нечем, а все одново...»

Но пришел черед и самому Миرونу пугаться. Голос Никодима Пантелеймоновича на пьяный никак не походил. Так ровно, будто по писанному, он и по трезвому делу не изъяснялся. А сказал такое, что и не в раз разберешь:

— Пластик есть? Любые изделия из пластмассы.

Мирон ничего не понял. Стал собирать из похожих обрывков слова. Лишь одно только и вышло. И то не очень, чтоб схоже...

— Псалтырь? Так то у дьякона, барин. У меня-то откель?

— У дьякона? Далеко?

— Так вон она, церква, — махнул Мирон в сторону купола с покосившимся крестом.

— Едем.

— Да я так дойду, барин, — испугался Мирон пуще прежнего. Не к добру это — в бричке с барином ездить! Но тот будто не слышал. Опять сказал, да так — точно камнем по лемеху:

— Едем!

Пришлось лезть за барином в бричку. Марфа напуганным взглядом стрельнула, в губах — ни кровиночки. Шепнула украдкой:

— Батюшка, напасть-то какая! Желтый аспид в барина прыгнул.

— Тихо-тихо!.. — одними губами, без голоса, пошевелил Мирон. — Услышит... Потом.

А сам призадумался. Что за аспид? Где он тут взялся, в их-то краях? И как это — в барина? В рот, что ли? В ухо?.. Уж не заговаривается ли Марфушка с горя?

Между тем доехали до церкви. Дьякон, Симеон, услышал, вышел. Барину поклонился, но не до земли, достойно.

— Храни тя господь, Никодим Пантелеймонович.

Барин лишь лоб из брички выставил. И опять:

— Пластик есть?

Симеону тоже «псалтырь» почуялся. Брови нахмурил, постоял, бороденкой повертел.

— Есть, — говорит. — Как не быть?

— Дай.

— Помолиться душа запросила? — скривился дьякон. — Так в церковь зайди. Не с лошадьми же псалтырь читать.

— Пластик там? — ткнул в открытую дверь барин.

— Там.

Посторонился Симеон, барина пропустил. Тот прошел — не качнулся. А Мирон, слава Богу, с дочкой остался, с глазу на глаз.

К Лану вернулась надежда. А поначалу он было отчаялся. Когда подключился к человеку в повозке и заговорил со вторым. Точнее, со второй, оказавшейся женщиной. Та ничего из его слов не понимала, не отвечала даже на примитивные вопросы, а только мелко вибрировала. Дома Лан почти не имел дела с людьми, лишь изучал их строение и физиологию, поэтому о том, что человек может молчать

от сильного испуга, он попросту не учел. Потом, правда, вспомнил, а скорей — догадался. По той же вибрации, называемой в этом языке «дрожью».

Женщина ничем не помогла Лану, разве что привезла к другому человеку, который хоть что-то внятное сумел сказать. Мало того, сказал, что в селении есть пластик. А ведь в сознании донора Лан этого понятия так и не нашел. Впрочем, это еще ни о чем не говорило: если пластмасса здесь только-только появилась, не все могли о ней знать. Но, как выяснилось, знали. Хоть и называли несколько иначе. Но тот человек, что показал ему, где имеется пластик, коверкал и другие слова. Судя по всему, образованность местного населения оставляла желать лучшего.

Лан прошел за человеком в черной одежде внутрь здания, называемого здесь «церковь». Или «церква», как назвал его другой житель. Ни то, ни другое название не находило ассоциаций в родном языке Лана. Что ж, многие понятия попросту прекратили свое существование за триста веков. Скорее всего, в этом здании находился какой-то центр связи. А раз так — пластик здесь должен быть.

Лан огляделся вокруг. На стенах и под круглым полушарием потолка — изображения. На всех — люди, люди, люди. В длинных, красивых одеждах, со странными кольцами вокруг голов. Может, это древние устройства связи — ментоны? Когда их изобрели — в двадцать девятом или девятнадцатом веке? Да не все ли равно...

— Что же ты, Никодим Пантелеймонович, и лба не перекрестишь? — прервал размышления Лана человек в черном.

— Лба? — переспросил Лан. «Лоб», «крестить» — такие понятия в его лексиконе были. Но в ясную картину предлагаемое действие у него так и не складывалось, и он переспросил: — Зачем крестить лоб? — Но, поскольку больше его интересовал другой вопрос, он задал и его: — Ты нашел пластик?

— Псалтырь вот, — показал человек в черной одежде темный кирпичик, зажатый в руке. — Но зачем он тому, кто в храме не крестится?

— Мне не надо креститься. Мне нужен пластик. Для пополнения запасов энергии и самовосстановления. Дай мне его! — Лан вытянул руку. Но еще не дотронувшись до цели, понял уже, что это не пластик. Целлюлоза, кожа, прочие органические вещества животного и растительного происхождения. И ни миллиграмма пластмассы!

— Это не пластик, — сказал Лан, опуская руку.

— Да ты никак пьян, Никодим Пантелеймонович? — нахмурился человек в черном. — Или болен... Нельзя так с собой поступать в шестьдесят-то годков. О душе пора думать. О вечном.

«Что он может знать о вечности?» — удивился Лан. Впрочем, вечность его сейчас мало интересовала. Энергия расходовалась быстрее, чем он рассчитывал. Тело донора и впрямь оказалось слишком большим и дряхлым. Пластик был необходим срочно! Лан стал вспоми-

нать, где еще в этом веке могла применяться пластмасса? Эх, если бы знать, что его сюда забросит судьба! Всего лишь пару секунд и нужно было потратить на закачку нужной информации. И то, на саму закачку — куда меньше; основное время ушло бы на поиск и фильтрацию данных. Но сожалеть поздно, надо постараться вспомнить хоть что-то...

Но то, что вспоминал Лан, напрочь отсутствовало в лексиконе донора. Телевидение, кибернетика, информатика — пусто, пусто, пусто... Может, для сельской местности нужны более простые понятия? Например, телефон... Опять пусто! А если попроще — мобильная связь, связываться, звонить... Есть! И «связываться», и «звонить»!

— Звонить! — почти выкрикнул Лан. — У тебя есть то, чем звонить?!

— Есть, — вздохнул человек в черном. — Допился ты, Пантелеймоныч. Как есть, допился!..

— Мне не надо пить! — взмолился Лан. — Пойдем звонить!

— Эх, твои бы слова — да Богу в уши, — снова вздохнул человек. — Ну да ладно, звонить — так звонить. Это Богу угодно.

Человек поманил за собой Лана, вышел из здания, проследовал к высокой пристройке, зашел внутрь и стал подниматься по лестнице с каменными ступенями. Лан едва поспевал за ним — ноги донора едва шевелились, силы буквально таяли. Их едва хватило на то, чтобы подняться все-таки на открытую с четырех сторон площадку, под потолком которой висело пять темных неправильных конусов — скорее, параболоидов — разных размеров.

Человек в черной одежде взялся за веревки, свешивающиеся из центров параболоидов, и сильно дернул одну из них. Раздался громкий, отдавшийся вибрацией в теле звук. Человек потянул за другую веревку и вызвал еще один звук, более резкий. Потом еще один, еще и еще. От гулкого звона у Лана заложило уши. Но ему уже было все равно. Он видел, что пластика нету и здесь. Только камень — стены здания; дерево — потолок; растительная органика — веревки; и металл — звенящие параболоиды.

Лан почувствовал, как очередная вибрация, вызванная звуком самого большого конуса, отозвалась острой болью в груди донора. А потом остановилось сердце. Падая на каменный пол, Лан с грустью успел констатировать: «Мир погибшего пластофора...»

Уездный врач, Семен Ильич Ферапонтов, скучал. Ему был откровенно мерзок этот пыльный заштатный городок после великолепия Петербурга. Стоило ли учиться столько лет, тратить силы, нервы и маменькины деньги, чтобы в результате зашивать пьяницам порванные в драках морды и вскрывать чирьи на задницах местных «матрон»?.. Впору и самому спиться.

Хотелось чего-то нового, интересного, необычного. Да где его взять? Впрочем, что там говорил Тимошка?.. Привезли с утра тело по-

койного помещика. Как его?.. Шашек... Сашек... Сушик?.. Да-да, именно Сушик! Тимошка еще что-то такое выдал: дескать, сухой весь, подстать фамилии, будто из него все соки выпили. И еще что-то брякнул нелепое — мол, крепостные сказывают, якобы видели, как в барина змеюка залезла. Аспид. Желтый аспид. Вот ведь фантазия у нынешних крестьян! А что, крестьяне — тоже люди; уж кому и знать о том, как не ему, врачу. Что барин, что крепостной — те же печень с селезенкой внутри, тот же, пардон за вульгарите, ливер. Кстати, о ливере и сухости — вот уж и впрямь каламбур! — Сушика... А что, если на самом деле, так сказать, аспид?.. Образно выражаясь, конечно. А если по-простому — обычный солитер? Правда, никто бы не смог увидеть, как он в этого Сушика... г-мм... влезает... Но, тем не менее, это версия. А что? Делать-то все равно нечего, проверить разве что?..

Семен Ильич спустился в прозекторскую. Надел поверх халата закорузлый кожаный фартук, велел Тимошке ассистировать. Сбросил несвежую, в тошнотворных пятнах, простыню с тела покойного, размял пальцы, кивнул:

— Ну-с!..

Солитера не оказалось. А ткани и впрямь были сильно обезвоженными. И, если можно так выразиться, обезжиренными.

Семен Ильич хмыкнул:

— И где же, так сказать, твой аспид?

— Чего это он мой? — обиделся Тимошка. — Это мужик, что труп привез, сказывал, будто дочка его видела, как змеюка желтая в рот барину заползла.

— В рот, говоришь? А ну-ткать... — Ферапонтов раздвинул челюсти трупа, заглянул в рот. — Ого!.. Ну-ка, подай пилочку, голубчик. Что-то у него, болезного, и впрямь там не того-с...

Сделав трепанацию и раздвинув серые морщинистые полушария, доктор только крикнул. Из центра головного мозга покойного, погружившись наполовину в спинной, тянулось что-то желтое, толщиной в полдюйма. Ферапонтов подцепил щипцами «новообразование», вытянул и снова крикнул — перед ним, зажатая в жвалах щипцов, и впрямь висела змея. Желтая, длинная, почти в аршин длиной. Черные маленькие глазки тускло поблескивали на сплюснутой голове, тонкая щелочка рта, казалось, изображала злобную ухмылку.

— Какая гадость! — скривился Семен Ильич.

— Аспид!.. — мелко и быстро закрестился Тимошка.

— Да уж... — покачал головой доктор. — Вот и не верь после этого людям-с!..

Он бросил змеюку на стол, рядом с трупом. Взял скальпель, вонзил в желтое тельце. То есть, попытался вонзить — лезвие лишь скользнуло по шкуре, но разрезать ее не смогло. Ферапонтов попробовал еще

— с тем же результатом. Он широко зевнул, отбросил скальпель и стянул фартук.

— Брось-ка эту гадость в печь, голубчик, — сказал он Тимошке и пошел мыть руки.

Санитар втянул ладонь в рукав халата и брезгливо, через ткань, взял змеиную тушку. Прошел в соседнее помещение, где в углу весело потрескивала поленьями печь-«голландка». Открыл чугунную дверцу, швырнул в огонь аспида и стал наблюдать. Желтое тельце загорелось не сразу. Зато, когда пламя распробовало новое угощение, из печного зева повалил такой едкий дым, что Тимошка раскашлялся и спешно захлопнул дверцу.

— Аспид — он аспид и есть, — откашлявшись, буркнул санитар. — Начадил-то, начадил, идолище поганое!..

Шел одна тысяча восемьсот пятьдесят шестой год. Англичанин Паркес получил новое вещество — целлулоид.

Об авторе

Буторин Андрей Русланович родился 6 апреля 1962 года в городе Мончегорске Мурманской области. В 1985 году закончил Ленинградский институт авиационного приборостроения. Работает ведущим специалистом ООО «ИнформКолаСервис» (информационные технологии).

Живет в городе Мончегорске. Фантастику начал писать с конца 90-х годов. Опубликованы 20 рассказов в журналах «Звездная дорога» (Красногорск), «Техника-молодежи» «Черный квадрат» (Великобритания), «Уральский Следопыт» (Екатеринбург), «Норильский Никель» (Москва), «Я» (Нью-Йорк, США), «Свой круг» (Монреаль, Канада), «OPEN!» (Москва), «Юный техник», литературном приложении «Знание-сила: Фантастика».

Изданные повести: «Ракушка» (Сборник «Фантастика. Конкурс «Научная фантастика для детей и подростков». Осень 2004», Издательство «Социально-политическая мысль» (Москва), 2005 г.); «Письмо в никуда» (Издательство «Амадеус» (Москва), № 9 (23), 2006 г.); «В одну реку трижды...» («Амадеус», № 18 (32), 2006 г.); «Перепутанные души» («Амадеус», № 24 (38), 2006 г.); «Имя для нерожденной» («Амадеус», № 29 (43), 2006 г.).

Изданные романы: «Работа над ошибками (Puzzle)» (Издательство «АСТ» – «Сталкер» (Донецк), 2004 г.); «Наследница престола» («Издательство Альфа-книга» (Москва), 2005 г.); «За краем земли и неба» (Издательство «АСТ» – «Сталкер» (Донецк), 2007 г.); «Чудес не бывает» (Издательство «Мир книги», 2007 г.). На московском фестивале фантастики «Серебряная стрела» («Сильверкон») в феврале 2008 года роман «За краем земли и неба» (Издательство «АСТ») победил в номинации «Лучшая любовная линия».

Автор награжден медалью 2-й степени Ордена Серебряной стрелы.